

УДК 343.97
doi:10.35853/vestnik.gu.2026.14-2.06
5.1.1.

Институт независимой антикоррупционной экспертизы в Российской Федерации: проблемы правовой идентификации и практической реализации

Оксана Анатольевна Колоткина¹, Инара Дамировна Ягофарова²,
Виктория Павловна Кивилева³

^{1,2,3}Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

¹oks-kolotkina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2587-5378>

²vaina3@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8508-7920>

³viktoriakivileva@gmail.com

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ института независимой антикоррупционной экспертизы (НАЭ) как ключевого элемента российской системы противодействия коррупции и формы общественного контроля за нормотворчеством. Предметом исследования выступают нормативно-правовые и организационно-практические проблемы, препятствующие реализации превентивного потенциала данного института. Целью работы является определение системных недостатков правового регулирования и правоприменительной практики в сфере НАЭ, а также разработка научно обоснованных мер по повышению ее эффективности. Опираясь на анализ федерального законодательства, подзаконных актов, доктринальных источников, официальной статистики и правоприменительной практики, авторы выявляют фундаментальные пробелы в регламентации статуса независимых экспертов, порядка учета их заключений и механизмов влияния на нормотворческий процесс. Особое внимание уделяется проблемам отсутствия легальной дефиниции НАЭ, формализма при рассмотрении экспертных заключений, низкой мотивации аккредитованных лиц и неразвитости институтов общественного контроля. На основе эмпирических данных обосновывается вывод о том, что сохранение текущих дефектов правового регулирования и дисбаланса между государственной и независимой экспертизой препятствует реализации превентивного потенциала НАЭ, сводя ее роль к декларативной. В статье сформулированы конкретные предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы, включая законодательное закрепление понятийного аппарата, введение механизмов ответственности за игнорирование заключений, создание цифровых платформ для взаимодействия и системы стимулирования экспертов, что в совокупности позволит превратить НАЭ в реально действующий инструмент противодействия коррупции.

Ключевые слова: институт независимой антикоррупционной экспертизы, противодействие коррупции, коррупциогенный фактор, статус независимого эксперта, общественный контроль, антикоррупционное законодательство

Для цитирования: Колоткина О. А., Ягофарова И. Д., Кивилева В. П. Институт независимой антикоррупционной экспертизы в Российской Федерации: проблемы правовой идентификации и практической реализации // Вестник Гуманитарного университета. 2026. Т. 14, № 2. С. 73–80. DOI 10.35853/vestnik.gu.2026.14-2.06.

The Institute of Independent Anti-Corruption Expertise in the Russian Federation: Problems of Legal Identification and Practical Implementation

Oksana A. Kolotkina¹, Inara D. Yagofarova², Viktoriya P. Kivileva³

^{1,2,3}Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

¹oks-kolotkina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2587-5378>

²vaina3@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8508-7920>

³viktoriakivileva@gmail.com

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the institution of independent anti-corruption expertise (IAE) as a key element of the Russian anti-corruption system and a form of public control over rule-making. The subject of the study is the legal, organizational, and practical issues that hinder the implementation of the preventive potential of this institution. The aim of the work is to identify the systemic shortcomings of legal regulation and law enforcement practices in the field of IAE, as well as to develop scientifically grounded measures to enhance its effectiveness. Based on an analysis of federal legislation, bylaws, doctrinal sources, official statistics, and law enforcement practice, the authors identify fundamental gaps in the regulation of the status of independent experts, the procedure for taking their opinions into account, and the mechanisms for influencing the rule-making process. Special attention is paid to the problems of the lack of a legal definition of the IAE, formalism in the consideration of expert opinions, low motivation of accredited persons, and underdeveloped institutions of public control. Based on empirical data, it is argued that the persistence of current defects in legal regulation and the imbalance between state and independent expertise hinder the implementation of the preventive potential of the IAE, reducing its role to a declarative one. The article puts forward specific suggestions for enhancing the regulatory framework. These include the codification of the conceptual framework in legislation, the implementation of mechanisms to hold individuals accountable for disregarding expert opinions, the establishment of digital platforms for collaboration, and the development of an incentive system for experts, which will collectively transform the IAE into a truly effective tool for countering corruption.

Keywords: institute of independent anti-corruption expertise, anti-corruption measures, corruptogenic factor, status of an independent expert, public control, anti-corruption legislation

For citation: Kolotkina OA, Yagofarova ID, Kivileva VP. The Institute of Independent Anti-Corruption Expertise in the Russian Federation: Problems of Legal Identification and Practical Implementation. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*. 2026;14(2):73-80. (In Russ.). DOI:10.35853/vestnik.gu.2026.14-2.06.

Введение

Противодействие коррупции является стратегическим приоритетом государственной политики Российской Федерации, что закреплено в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Закон № 273-ФЗ) и подтверждается регулярно обновляемыми Национальными планами противодействия коррупции. В системе мер профилактики коррупционных рисков, возникающих в процессе правотворчества, ключевая роль отведена антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов (далее – НПА) и их проектов. Особое место в этом механизме занимает независимая антикоррупционная экспертиза (далее – НАЭ), которая призвана выступать связующим звеном между государством и гражданским обществом, реализуя конституционный принцип участия граждан в управлении делами государства.

Однако несмотря на формальную институционализацию данного механизма в Федеральном законе от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (далее – Закон № 172-ФЗ) и профильных положениях Закона № 273-ФЗ, его практическая реализация сопряжена с комплексом системных проблем как нормативно-правового, так и организационно-практического характера. Эффективность НАЭ как инструмента превенции

коррупции остается низкой, что выражается в минимальной фактической вовлеченности аккредитованных экспертов при формально широком круге потенциальных субъектов, а также в недостаточном уровне влияния экспертных заключений на процесс устранения коррупциогенных факторов из НПА.

1. Теоретико-методологические основы института НАЭ

1.1. Проблема легальной дефиниции и доктринальные подходы

Фундаментальной проблемой института НАЭ, создающей правовую неопределенность на самом базовом уровне, является отсутствие легальной дефиниции понятий «антикоррупционная экспертиза» и «независимая антикоррупционная экспертиза» в профильных федеральных законах (см.: [Хабриева, 2022, с. 8]). Базовые принципы, субъектный состав и перечень коррупциогенных факторов были закреплены в 2009 году с принятием Закона № 172-ФЗ, а Закон № 273-ФЗ определил экспертизу лишь как одну из мер профилактики коррупции (п. 2 ст. 6). Отсутствие единого термина создает коллизии в правоприменении, порождает разночтения в подзаконных актах и препятствует формированию единообразной судебной и административной практики.

В юридической доктрине сложились различные подходы к толкованию данной категории, которые можно классифицировать по степени полноты и функциональной направленности.

Узкопревентивный подход. Е. В. Раздьяконова рассматривает антикоррупционную экспертизу как «предупредительное мероприятие в отношении фактов коррупции» [Раздьяконова 2021, с. 26]. Данное определение фиксирует целевую направленность, но представляется излишне абстрактным, поскольку не конкретизирует объект экспертного воздействия (какие именно факты коррупции предупреждаются и на какой стадии), что затрудняет идентификацию правовой природы явления и его отграничение от иных профилактических мер (например, антикоррупционного мониторинга или контроля за доходами чиновников).

Инструментально-процессуальный подход. Ряд авторов делают акцент на методике выявления коррупциогенных факторов, и поэтому экспертиза понимается как применение специальных знаний для анализа текстов НПА на предмет наличия в них условий, способствующих проявлениям коррупции (см.: [Кочура 2012, с. 69; Казанцева 2023, с. 65]).

Комплексный подход. Предложенный Т. Я. Хабриевой, С. С. Зениным и А. М. Цириним, он представляется наиболее содержательным и методологически выверенным. Ученые определяют антикоррупционную экспертизу как деятельность компетентных и уполномоченных физических и юридических лиц (экспертов и экспертных учреждений) по исследованию НПА и их проектов, а также иных правовых документов. Целью данной деятельности, требующей специальных познаний в области антикоррупционного законодательства и практики его применения, является выявление коррупциогенных факторов, а результатом – подготовка мотивированного заключения (см.: [Основы противодействия коррупции ... 2024, с. 140; Хабриева 2023; Цирин, Севальнев 2024]). Данная дефиниция ценна тем, что четко обозначает субъектный (кто проводит), объектный (что исследуется) и функциональный (каков результат) составы экспертизы, а также подчеркивает ее интеллектуально-квалифицированный характер (требование специальных познаний).

Правотворческий подход. Освещает терминологический аппарат Модельного закона от 15 ноября 2003 г. № 22-15 «Основы законодательства об антикоррупционной политике», который определяет экспертизу как деятельность по выявлению и описанию коррупциогенных факторов и разработке рекомендаций по их устранению, интегрируя ее непосредственно в правотворческий процесс.

Таким образом, плюрализм доктринальных толкований при отсутствии легальной дефиниции размывает сущность института, снижая уровень правовой определенности и создавая предпосылки для злоупотреблений как со стороны потенциальных экс-

пертов, так и со стороны органов власти, обязанных реагировать на экспертные заключения. Назрела необходимость законодательного закрепления унифицированного понятия, которое вобрало бы в себя ключевые признаки: субъектную специальную правосубъектность, объектную направленность на НПА и их проекты, целевую установку на выявление коррупциогенных факторов и процессуальную форму результата в виде мотивированного заключения.

1.2. Дуализм правовой природы и целеполагания

Анализ целеполагания, закрепленного в действующем законодательстве, позволяет говорить о бинарной (двойственной) природе антикоррупционной экспертизы. С одной стороны, в соответствии со статьей 1 Закона № 172-ФЗ ее непосредственной целью является выявление и последующее устранение коррупциогенных факторов в НПА. С другой стороны, Закон № 273-ФЗ (ст. 6) позиционирует экспертизу как меру профилактики коррупции, что выводит ее на уровень стратегического инструмента антикоррупционной политики, направленного не только на «очистку» уже существующих актов, но и на недопущение появления коррупциогенных норм на стадии проектирования (см.: [Антикоррупционные механизмы 2024]).

Этот дуализм предопределяет и двойственную роль НАЭ в механизме государства. Как справедливо отмечают О. А. Колоткина, И. Д. Ягофарова и В. Р. Ражапов, институт независимой экспертизы выступает одновременно инструментом государственного контроля и формой общественного участия в управлении [Колоткина, Ягофарова, Ражапов 2025, с. 65]. Однако на практике реализуется преимущественно первая функция, в то время как огромный потенциал общественной составляющей (экспертный потенциал гражданского общества) остается нераскрытым.

Наглядно этот дисбаланс демонстрирует сравнение двух форм экспертизы, представленное в таблице 1.

Таблица 1. Сравнение государственной и общественной антикоррупционной экспертизы
Table 1. The Comparison of State and Public Anti-Corruption Expertise

Критерий	Государственная экспертиза	Независимая (общественная) экспертиза
Субъекты проведения	Органы прокуратуры, Минюст России и его территориальные органы, органы юстиции субъектов РФ, государственные органы в отношении собственных актов	Аккредитованные Министерством юстиции РФ юридические и физические лица, институты гражданского общества
Правовая основа	Закреплена в федеральных законах и положениях о ведомствах	Закреплена в Законе № 172-ФЗ, но детализирована подзаконными актами (Приказы Минюста РФ)
Обязательность проведения	Носит обязательный характер для всех проектов НПА, затрагивающих права и свободы граждан (в рамках ведомственной экспертизы), а также для определенных категорий актов (прокурорская экспертиза)	Добровольная, проводится по инициативе экспертов
Юридическая сила заключений	Заключения прокурора обязательны к рассмотрению и могут быть оспорены в суде; результаты ведомственной экспертизы учитываются при доработке проекта	Носят сугубо рекомендательный характер; обязательны к рассмотрению, но не к принятию содержащихся в них рекомендаций
Роль в системе сдержек и противовесов	Внутрисистемный (ведомственный) или надведомственный (прокурорский) контроль	Внешний (общественный) контроль со стороны гражданского общества

Не сложно заметить асимметрию правовых возможностей: притом что НАЭ позиционируется как форма общественного контроля, ее результаты не имеют реального

механизма воздействия на волю правотворческого органа, что ставит под сомнение саму эффективность такого контроля.

2. Эмпирический анализ правоприменительной практики и системные дефекты реализации НАЭ

2.1. Статистический дисбаланс как индикатор кризиса института

Официальные статистические данные последних лет наглядно демонстрируют глубокий дисбаланс в реализации двух форм экспертизы и фактическую стагнацию института НАЭ. Согласно информации, публикуемой Минюстом России, количество государственных антикоррупционных экспертиз исчисляется сотнями и тысячами ежегодно. Так, например, в 2025 году государственная антикоррупционная экспертиза была проведена в отношении 207 НПА только на федеральном уровне (без учета ведомственной экспертизы и экспертизы проектов)¹.

В то же время, по данным Росстата и сводным отчетам Минюста, институт НАЭ был задействован лишь в 16 случаях². Этот контраст выглядит еще более разительным на фоне количественного состава потенциальных экспертов: реестр аккредитованных экспертов – физических лиц на сегодняшний день включает 3 134 человека, а реестр юридических лиц – порядка 120 организаций. Фактическая вовлеченность этого огромного ресурса в правотворческий процесс является минимальной, что позволяет говорить о кризисе института НАЭ.

2.2. Классификация системных проблем функционирования НАЭ

Выявленный разрыв между потенциальными возможностями и реальной отдачей института НАЭ обусловлен совокупностью системных дефектов, которые целесообразно классифицировать по следующим уровням.

1. Пробелы в процессуальном и статусном регулировании:

– *отсутствие императивного механизма учета заключений.* Ключевая проблема заключается в том, что обязанность органов власти рассматривать поступившие заключения по итогам НАЭ (п. 3 ст. 5 Закона № 172-ФЗ) не подкреплена обязанностью устранять выявленные коррупциогенные факторы даже в случаях их очевидной обоснованности. Орган власти обязан направить мотивированный ответ, но вправе полностью проигнорировать существо экспертных рекомендаций. Отсутствие механизмов принуждения и действенных санкций за игнорирование обоснованных выводов экспертов (административных, дисциплинарных) нивелирует практическую значимость института, превращая его в формальность;

– *информационная закрытость и нарушение принципа транспарентности.* Законодательство не содержит прямого и безусловного требования о системной публикации информации о проведении НАЭ и ее результатах на официальных порталах органов власти. Хотя Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» декларирует принцип открытости, конкретный механизм раскрытия информации о поступивших заключениях независимых экспертов и реакции на них отсутствует. Это противоречит принципу прозрачности, закрепленному в антикоррупционном законодательстве (ст. 3 Закона № 273-ФЗ), и существенно ограничивает потенциал общественного контроля, поскольку граждане и другие эксперты лишены возможности оценить качество работы как экспертов, так и чиновников.

2. Проблемы субъектного состава и мотивации:

– *низкая мотивация и отсутствие экономического стимулирования.* Деятельность независимых экспертов осуществляется на безвозмездной основе. Законодательство не предполагает ни оплаты экспертного труда, ни компенсации расходов, связанных с проведением экспертизы (например, на юридическую литературу, доступ к базам данных,

¹ Министерство юстиции Российской Федерации : официальный сайт. URL: <https://minjust.gov.ru>.

² Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/>.

повышение квалификации). В сочетании с отсутствием каких-либо налоговых преференций или иных форм поддержки это делает экспертную деятельность экономически неинтересной и доступной лишь энтузиастам или лицам, для которых это является частью иной оплачиваемой деятельности (например, научные работники, адвокаты в рамках *pro bono*);

– *институциональная разобщенность экспертного сообщества*. Аккредитованные эксперты действуют разрозненно, не имея единой координационной площадки для обмена опытом, выработки единых стандартов экспертной работы и консолидации позиций. Отсутствие саморегулируемых организаций (СРО) в этой сфере или иных форм объединения препятствует формированию профессионального сообщества, способного отстаивать свои интересы и влиять на правотворческую повестку.

3. Дефекты правотворческого процесса и правоприменительной практики:

– *формализм при рассмотрении заключений*. Анализ правоприменительной практики показывает, что ответы органов власти на заключения НАЭ зачастую носят формальный, отписочный характер. Вместо содержательной дискуссии по существу выявленных коррупциогенных факторов эксперты получают немотивированные отказы или отписки, не основанные на нормах права (см.: [Лядская 2023, с. 223]);

– *игнорирование результатов НАЭ при принятии итоговых решений*. Заключения независимых экспертов, даже выполненные с соблюдением всех формальных требований и содержащие убедительную аргументацию, зачастую не оказывают должного влияния на окончательный текст НПА. Рекомендательный характер заключения в отсутствие механизмов «вето», обязательного повторного рассмотрения или приостановления процедуры принятия акта до разрешения спора по существу делает НАЭ декларативным, а не реально действующим институтом.

3. Концептуальные направления совершенствования института НАЭ

Проведенный анализ позволяет заключить, что институт НАЭ в Российской Федерации обладает значительным превентивным потенциалом, однако в текущем виде этот потенциал остается нереализованным. Выявленные проблемы требуют комплексного подхода к реформированию института на нескольких взаимосвязанных уровнях.

1. Совершенствование теоретико-понятийного аппарата и законодательной базы. Первоочередной мерой должна стать унификация понятийного аппарата. Предлагается внести изменения в Закон № 172-ФЗ, дополнив его статьей, содержащей легальные дефиниции следующих понятий:

«антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»;

«независимая антикоррупционная экспертиза»;

«коррупциогенный фактор» (с возможностью его дальнейшей детализации в подзаконных актах).

Закрепление этих понятий устраним двусмысленность, создаст основу для единообразного правоприменения и позволит более четко определить место и роль НАЭ в системе профилактики коррупции (см.: [Кревин 2024, с. 67]).

2. Реформирование процессуального статуса заключений НАЭ. Ключевым направлением повышения эффективности НАЭ является усиление юридической силы экспертных заключений и создание реальных механизмов влияния на правотворческий процесс:

– введение обязанности публичного мотивирования. Необходимо законодательно закрепить обязанность органа власти не просто рассматривать заключение НАЭ, но и публиковать на своем официальном сайте мотивированное заключение (решение) по итогам его рассмотрения с обязательным указанием причин согласия или несогласия с каждым выявленным коррупциогенным фактором. Это обеспечит прозрачность процесса и позволит осуществлять общественный контроль за качеством принимаемых решений;

– установление ответственности за немотивированное игнорирование. Целесообразно введение механизма дисциплинарной (а в случае повторных нарушений – административной) ответственности должностных лиц за немотивированное отклонение выводов экспертизы, выявившей очевидные коррупциогенные факторы. Это может быть реализовано путем внесения дополнений в КоАП РФ и законодательство о государственной гражданской службе;

– создание механизма «отложенного действия». Для заключений, поступивших на проекты НПА до их принятия, предлагается ввести механизм, при котором наличие аргументированного заключения НАЭ, не рассмотренного по существу, является основанием для приостановления процедуры принятия акта до получения мотивированного ответа органа власти. Это предотвратит ситуацию *post factum*, когда акт уже принят и вступил в силу, а экспертное заключение остается без внимания.

3. Организационно-экономические и институциональные преобразования. Для создания благоприятной среды функционирования НАЭ необходимы меры организационной и экономической поддержки:

– создание системы материального и нематериального стимулирования, а именно введение института государственно-общественного партнерства, предполагающего возможность оплаты особо значимых и сложных экспертиз на конкурсной основе (например, через гранты или государственное задание для некоммерческих организаций); разработка системы поощрений (благодарности, почетные грамоты, включение в кадровые резервы) для наиболее активных и компетентных экспертов;

– формирование координационных советов и цифровых платформ: создание при Минюсте России или Уполномоченном по правам человека Координационного совета независимых экспертов, который бы обеспечивал взаимодействие экспертного сообщества с органами власти, организовывал повышение квалификации и обмен опытом; разработка единой цифровой платформы (интернет-портала) для публикации проектов НПА, направления заключений НАЭ и отслеживания статуса их рассмотрения в режиме реального времени. Это значительно повысит доступность и прозрачность процедуры;

– повышение требований к аккредитации и контроль качества: пересмотр процедуры аккредитации экспертов с введением более жестких квалификационных требований и одновременным созданием механизма контроля качества выдаваемых заключений (например, через общественную экспертизу заключений, подготовленных другими экспертами) для отсеивания некомпетентных или ангажированных лиц.

Заключение

Институт независимой антикоррупционной экспертизы обладает высоким потенциалом в качестве инструмента «обратной связи» между обществом и государством в сфере нормотворчества. Он призван не только очищать законодательство от коррупциогенных норм, но и повышать доверие граждан к правотворческому процессу, реализуя конституционные принципы участия общества в управлении.

Однако, как показал проведенный анализ, в текущем виде НАЭ в Российской Федерации остается декларативным институтом. Выявленные пробелы в нормативном регулировании, отсутствие реальных механизмов влияния на правотворческий процесс, низкая мотивация и разобщенность экспертного сообщества, а также формализм со стороны органов власти сводят на нет усилия независимых экспертов.

Трансформация НАЭ из формально закрепленного механизма в реально действующий инструмент противодействия коррупции требует не косметических, а системных изменений. Предложенные в настоящей статье меры – от законодательного закрепления понятий до создания цифровых платформ и введения механизмов ответственности – представляют собой комплексный план реформирования института. Только при условии устранения выявленных дефектов и усиления практической значимости экспертных заключений институт НАЭ сможет в полной мере реализовать свою превентивную

функцию и стать действенным элементом системы противодействия коррупции в Российской Федерации.

Список источников

- Антикоррупционные механизмы / А. А. Соловьев, Е. В. Розанова, С. Ю. Нарциссова, В. В. Попадейкин. М. : Эдитус, 2024. 248 с. EDN XGZSQS.
- Казанцева О. Независимая антикоррупционная экспертиза в системе российского права // Юрислингвистика. 2023. № 27 (38). С. 63–67. DOI 10.14258/leglin(2023)2711. EDN TUGAUQ.
- Колоткина О. А., Ягофарова И. Д., Ражапов В. Р. Экспертный потенциал граждан РФ и институтов гражданского общества в сфере правотворчества: теоретико-правовой анализ // Вестник Гуманитарного университета. 2025. Т. 13, № 2. С. 64–72. DOI 10.35853/vestnik.gu.2025.13-2.04. EDN JXYZQD.
- Кочура В. Н. Антикоррупционная экспертиза: методика проведения // Журнал российского права. 2012. № 9 (189). С. 65–70.
- Кревин А. И. Понятие антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов в законодательстве Российской Федерации // Правоохранительная деятельность: теория и практика : материалы VIII Всерос. науч.-практ. конференции, Челябинск, 30 апреля 2024 года / отв. ред. А. В. Майоров. Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 2024. С. 65–69. EDN UWDQWT.
- Лядская А. В. Проблемы проведения независимой антикоррупционной экспертизы // История, теория, практика российского права. 2023. № 16. С. 221–225. EDN ПТФAM.
- Основы противодействия коррупции в Российской Федерации : учеб. пособие / Т. Я. Хабриева, С. С. Зенин, А. М. Цирин [и др.]. М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. 296 с. DOI 10.12737/1405586.
- Раздьяконова Е. В. К вопросу о роли антикоррупционной экспертизы в правотворческой деятельности государства // Юридическая наука и практика. 2021. Т. 17, № 1. С. 25–31. DOI 10.25205/2542-0410-2021-17-1-25-31. EDN SAZXPД.
- Хабриева Т. Я. Противодействие коррупции в координатах фундаментального знания // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19, № 4. С. 5–13. DOI 10.61205/jzsp.2023.044. EDN KPEFQN.
- Хабриева Т. Я. Противодействие коррупции: рациональная картина и архитектура доктринального знания // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 7. С. 5–18. DOI 10.12737/jrl.2022.069. EDN CVEEKT.
- Цирин А. М., Севальнев В. В. Основные этапы развития законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 7. С. 137–147. DOI 10.61205/S160565900030409-3. EDN WOHYMT.

Информация об авторах

Оксана Анатольевна Колоткина, канд. юрид. наук, доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия).

Инара Дамировна Ягофарова, канд. юрид. наук, доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия).

Виктория Павловна Кивилева, студентка 4-го курса Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Oksana A. Kolotkina, Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof. at the Department of Competition Law and Antimonopoly Regulation, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia).

Inara D. Yagofarova, Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof. at the Department of Competition Law and Antimonopoly Regulation, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia).

Viktoriya P. Kivileva, fourth-year student, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia).

Статья поступила в редакцию | Submitted 24.02.2026.

Одобрена после рецензирования | Revised 15.03.2026.

Принята к публикации | Accepted 15.03.2026.